

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 65–70. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № S, pp. 65–70. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1

EDN YXZVBI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-65-70>

ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА» И А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА»: СХОДНЫЕ МОМЕНТЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Цинь Лидун, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, qinlidong@mail.ru

Аннотация. В статье продолжается анализ условных союзов в функционально-стилистическом аспекте *книжное/разговорное* на материале драматургических произведений А.Н. Островского, язык которых в послепушкинский период наиболее ярко отражал демократические тенденции развития русского литературного языка середины XIX в., а гипотактические союзы выступали как маркёры его поступательного движения. В этом плане рассматривается известная его пьеса «Гроза», лауреат Уваровской премии 1960 г., в сравнении с пьесой другого лауреата этой же премии и этого же времени, писателя, также связанного с Костромской землёй, А.Ф. Писемского «Горькая судьбина». Вывод авторов таков: хотя в «Грозе» отражена не крестьянская речь, как в «Горькой судьбине», а речь мещан и купцов, однако яркие сигналы разговорности условных союзов на фоне нейтральных черт книжности ярко выделяются в стилистической окраске лексики и синтаксиса обоих произведений и имеют много сходных черт: употребление в пьесе союзов, разговорного или книжного характера главным образом зависит от социального статуса персонажа и ситуации общения. Это положение подтверждает и пьеса А.Ф. Писемского «Хищники» из жизни элитного чиновничества, где почти монополюбно представлен книжный союз *если*. Авторы констатируют тот факт, что в последующем развитии русского литературного языка сохраняется та же тенденция развития его основополагающих черт в области служебных слов, которая была представлена выше.

Ключевые слова: русский литературный язык, условные союзы, «Гроза» А.Н. Островского, пьесы А.Ф. Писемского.

Для цитирования: Ганцовская Н.С., Цинь Лидун. Пьесы А.Н. Островского «Гроза» и А.Ф. Писемского «Горькая судьбина»: сходные моменты грамматической стилистики в контексте развития русского литературного языка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 65–70. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-65-70>

Research Article

PLAYS “THUNDERSTORM” BY A.N. OSTROVSKY AND “BITTER FATE” BY A.F. PISEMSKY: SIMILAR MOMENTS OF GRAMMATICAL STYLISTICS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Qin Lidong, Postgraduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, qinlidong@mail.ru

Abstract. The article continues the analysis of conditional conjunctions in the functional and stylistic aspect *bookish/colloquial* based on plays by A.N. Ostrovsky, whose language in the post-Pushkin period most clearly reflected the democratic trends in the development of the Russian literary language of the mid-19th century, and hypotactical conjunctions served as markers of the language progressive movement. In this regard, a well-known play by A.N. Ostrovsky “Thunderstorm”, winner of 1960 Uvarov Prize, is considered in comparison with the play “Bitter Fate” by A.F. Pisemsky, another award winner of that contest, a writer also associated with Kostroma region. The conclusion is as follows: although the “Thunderstorm” conveys the language of burghers and merchants, in contrast to the peasant language reflected in “Bitter fate”, however, bright signals of the colloquialism of conditional conjunctions against the background of the neutral features of bookishness are clearly

distinguished in the style of the vocabulary and syntax of both works and there are many similarities: the use of colloquial or bookish conjunctions in a play mainly depends on the character's social status and the communication situation. This conclusion comes from another play by A.F. Pisemsky, "Predators", about the life of the elite bureaucracy, where the bookish conjunction *если* prevails. The authors of the article state the fact that in the subsequent development of the Russian literary language, the same trend in the development of function words remains.

Keywords: Russian literary language, conditional, "Thunderstorm" by A.N. Ostrovsky, plays by A.F. Pisemsky.

For citation: Gantsovskaya N.S., Qin Lidong. Plays "Thunderstorm" by A.N. Ostrovsky and "Bitter fate" by A.F. Pisemsky: similar moments of grammatical stylistics in the context of the development of the Russian literary language. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 5, pp. 65–70 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-65-70>

В настоящем исследовании мы продолжаем нашу тему представления условных союзов как стилистических (ситуационных) маркёров развития русского литературного языка середины XIX в. на материале пьес А.Н. Островского в аспекте дихотомии *книжное/разговорное*. Как известно, творчество драматурга является важным этапом в демократическом развитии нового литературного языка послепушкинского периода, органически сочетающего черты книжности и разговорности. При этом в целях объективизации мы ищем поддержки найденным нами закономерностям не только в произведениях А.Н. Островского, но и в произведениях драматургов его времени и круга схожей тематической и идейной направленности, со схожими жизненными судьбами и интересами, также связанных с костромским краем.

Это – А.А. Потехин (1829–1908), родом из Кинешемского уезда, и А.Ф. Писемский (1821–1881), выросший в сельце Раменье Чухломского уезда на реке Письме. Хотя А.Н. Островский (1923–1986) родился в Москве, но его дед, отец и братья отца были костромичами (см. об этом, например, в: [Лакшин 2004: 13–14], сам же он с конца 40-х годов с семьёй (с редкими перерывами) проводил летнее время (с мая по октябрь) в своём имении Щельково Кинешемского уезда Костромской губернии (теперь Островского района Костромской области), которое он безмерно любил и называл Костромской Швейцарией, где рыбачил, собирал грибы, дружил с местным населением и принимал многочисленных гостей.

Отец А.А. Потехина был бедным дворянином, уездным чиновником в Кинешме, и сам А.А. Потехин также был чиновником в Костроме (служил одно время там вместе с А.Ф. Писемским). Прославился он как автор этнографических очерков, повестей и драм из крестьянского и чиновничьего быта. Вот как писал о нём В.Н. Некрасов в комментариях к творчеству А.А. Потехина в книге «Русская драма эпохи А.Н. Островского», рассматривая его пьесы «Суд людской – не божий» и «Мишура»: «В 50-е годы он сблизился с молодой редакцией журнала "Москвитянин", возглавлявшегося А.Н. Островским и Ап. Григорьевым. В этом журнале Потехин, будучи уже беллетристом со сложившейся репутацией знатока народной жизни, дебютировал как дра-

матург пьесой "Суд людской – не божий". В критике 50-х годов его имя нередко включалось в ряд писателей "реального направления" вместе с именами Островского, Писемского и др. <...> Мишура. Пьеса опубликована в журнале "Русский вестник", 1858, № 1. Как литературное явление пьеса "Мишура" сразу же привлекла внимание. Основательную рецензию ей посвятил Добролюбов... П.И. Вайнберг... противопоставил "Мишуру" потоку "чиновничьей" литературы...» А.А. Потехин «взглянул на свой предмет метко. Умно, даже отчасти глубоко, он захотел сказать, что чиновничье бескорыстие ещё не делает человека человеком, что оно не есть ещё идеал человечества» [Некрасов 1984: 445]. В нашей недавней статье «Старое и новое в развитии лексики русского литературного языка середины XIX в. (стилистика служебных слов на материале пьес о Бальзаминове А.Н. Островского в сравнении с пьесами А.А. Потехина) [Ганцовская, Цинь Лидун] мы анализировали стилистику условных союзов в аспекте *книжное/разговорное* и сделали вывод о схожих тенденциях употребления в речи героев аффективно окрашенных и нейтральных союзов в зависимости от социального статуса их носителей и ситуативных обстоятельств. Некогда «весьма репертуарные» драмы А.А. Потехина «Суд людской – не божий» и «Мишура», первая о трагедии крестьянской жизни, вторая – о быте и нравах провинциального чиновничества, увидели свет соответственно в 1854 и 1858 гг. Результаты исследованных нами условных союзов пьес Островского примерно того же времени бальзаминовского цикла с героями из среды незлитных сословий мещан и купцов и пьесы Потехина со сценами крестьянской жизни «Суд людской – не божий» оказались статистически идентичными в функционально-стилистическом ракурсе. Эффективными маркерами этого, в силу своей высокой употребительности, устойчивой фреквенции и больших потенциалов к историческим изменениям, являются гипотактические союзы. Наиболее употребителен из них в указанных пьесах А.Н. Островского и А.А. Потехина аффективированный союз *коли*, нередко используются синкретические союзы *как* и *когда*, несколько менее частотен *ежели*, но при этом достаточно продуктивен союз *если*, в последнее время (XX–XXI вв.) ставший геге-

моном выражения обусловленности и вытеснивший на периферию всех слоёв русского речевого общения другие условные союзы.

Дело в том, что городская речевая купеческо-мещанская среда в начале и середине XIX в. почти не отличалась от крестьянской речи (см. об этом, например, сведения словарных статей «Купечество», «Мещанин, мещанка» в известном «Словаре к пьесам А.Н. Островского» Н.С. Ашукина, С.И. Ожегова, С.И. Филиппова [Словарь]). В пьесе «Мишура» А.А. Потехина содержится совсем другая, почти монополярная по уровню фреквенции, статистика относительно употребления в речи чиновничества нейтрального моносемантического союза *если* (39 примеров, и только 4 раза встретился союз *коли* и один раз *когда*).

А.Ф. Писемский, как уже говорилось выше, известный писатель, драматург и театральный деятель, окончил Костромскую гимназию, был видным чиновником в Костроме и Петербурге, театральным деятелем и до конца своих дней имел тесные связи с А.Н. Островским. В своих рассказах из крестьянского быта («Леший», «Питерщик», «Плотничья артель» и др.), повестях, знаменитой драме «Горькая судьбина» он реалистически точно отразил особенности говоров жителей междуречья Костромы и Унжи, по преимуществу семей «питерщиков», то есть чухломских и солигаличских отходников-мастеровых, большую часть года проживавших в Петербурге.

Впервые «Горькая судьбина» была напечатана в журнале «Библиотека для чтения» в 1959 г. и представлена на конкурс драматических произведений на соискание наград имени графа Уварова в 1860 г. Одновременно на конкурс была представлена и драма А.Н. Островского «Гроза». В виде исключения большие премии были даны не одному какому-то произведению, а драмам Островского и Писемского на равных основаниях (более детально об этом см. в: [Писемский 9: 606–610]). Поэтому для сравнения особенностей развития русского литературного языка послепушкинского периода середины XIX в., показателями (маркерами) которого являются служебные слова, в данном случае мы выбрали именно эти два произведения, хотя в «Грозе» отражена не крестьянская речь и отчасти помещицья, как в «Горькой судьбине», а речь мещан и купцов небольшого провинциального города центра России. Однако яркие сигналы разговорности условных союзов на фоне нейтральных черт книжности чётко выделяются в стилистической окраске лексики и синтаксиса обоих произведений и имеют много сходных черт.

Для контрастного сопоставления в избранном нами плане с крестьянской речью «Горькой судьбины» и купеческо-мещанской речью «Грозы» как второстепенный источник привлекается материал пьесы Писемского «Хищники», героями которого являются

преимущественно крупные чиновники и их аристократическое окружение.

Как пишет В.Я. Лакшин, «Гроза» А.Н. Островским начата и пишется... 19 июля, 24 июля, 29 июля – в разгар лета 1959 года. В Щелыково Островский ещё регулярно не ездит и, по некоторым сведениям, проводит жаркое лето под Москвой – в Давыдове или Иванькове, где целой колонией селятся на дачах актёры Малого театра и их литературные друзья» [Лакшин 2004: 467]. С.Н. Кайдаш-Лакшина в своей «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского» дополняет эти сведения: «1860. Январь. В “Библиотеке для чтения” напечатана “Гроза”. 16 января. В “Русском мире” вышло начало статьи Ап. Григорьева “После «Грозы» Островского”. 20 января. Островский и Тургенев были на спектакле “Грозы” в Малом театре. 30 января. В № 9 “Русского мира” напечатано продолжение статьи Ап. (Аполлона) Григорьева “После «Грозы» Островского”. 19 марта. Отдельное издание “Грозы”... 9 июля. Михаил Николаевич Островский в письме к Агафье Ивановне сообщает о присуждении брату за “Грозу” Большой Уваровской премии» [Кайдаш-Лакшина: 40–41].

Рассматриваемые драматические произведения, безусловно, правдиво отражают речевой облик определённой части русского общества середины XIX столетия, как и ранее проанализированные нами пьесы этого же времени А.Н. Островского и А.А. Потехина. На примере условных союзов они подтверждают основную черту развития нового русского литературного языка послепушкинского периода – продолжение тенденции к более прочному слиянию черт книжности (от высокого, элитарного до нейтрального стиля) и разговорности (сниженного, в известной степени профанного стиля, но также с вектором развития в сторону нейтральности). Тенденцию освобождения от черт архаичности и яркой аффектации, пришедшей из внелитературных сфер, и укрепление позиций моносемантизма и функциональной нейтральности среди книжных союзов воплощает в себе союз *если*, ядерный среди группы условных союзов (*коли*, *кабы*, *как*, *как (бы)*, *когда*, *ежели*, *раз* и др.).

Подчеркнём, что при изучении процессов, происходящих во всех сферах национального русского языка, полагаем совершенно правомерным опираться на лингвистические данные, представленные в произведениях избранных нами для анализа писателей-классиков реалистического направления. Хотя это и «вторичные (промежуточные) источники» изучения живого русского языка, но они по степени достоверности не отличаются, а, наоборот, более концентрированно представляют то, что могло бы содержаться в первичных (аутентичных) источниках – непосредственных записях речи носителей раз-

личных образцов литературного языка как в строго кодифицированной форме, так и в её маргинальных областях, территориально и социально обусловленных (об определении степени достоверности различных типов источников изучения лингвистического материала см.: [Астахина 2021]).

В самом общем виде об условных союзах в рассматриваемых пьесах можно сказать следующее: там, где господствует разговорная стихия, – ведущее положение занимает союз *коли* и затем другие аффектированные, подчёркнуто не книжные средства подчинения. Это пьесы «Горькая судьбина» Писемского и «Гроза» Островского. Там же, где в оппозиции *книжность/разговорность* на первом месте *книжность* (то есть речь не «профанная» – от официальной до нейтральной) – союз *если*. Это пьеса «Хищники» Писемского.

«Горькая судьбина» А.Ф. Писемского. Лидером *разговорности* в рассматриваемом нами триумvirате пьес является пьеса «Горькая судьбина А.Ф. Писемского» с многочисленными персонажами разного пола и возраста, степени родства и социальных характеристик, но все они (за исключением нескольких героев) – крестьяне, не образованы и говорят на чухломском (костромском) диалекте. А диалекты, как известно, – это главная и естественная стихия разговорности. Хотя, конечно, по условиям художественного нарратива и даже драматургии «чистый диалект» и вообще «чистая разговорность» невозможны, они подаются в виде сигналов (и здесь очень ярких) на фоне общепринятых лексико-грамматических средств, применяемых в «книжности».

Укажем состав и употребительность каждого из условных союзов в речи героев пьесы и выборочно приведём немногие примеры из их речи, скорее с целью показать представленные в них богатые лексические средства разговорности (с заметной локально-костромской окрашенностью) на фоне черт книжности (общепринятых лексических и грамматических средств). Здесь наиболее частотен союз *коли* (с вариантом *коль*). Он 19 раз встречается в речи главного героя пьесы – питерщика (питерщички – мастеровые крестьяне-отходники, сезонно работающие в Петербурге) Анания Яковлева, оброчного мужика барина Чеглова-Соковина (*Земля наша не бессудная: коли бы он теперича какие притеснения стал делать, я, может, и до начальства дорогу нашел, – что ж ты мне, бестия, так уж оченно на страх-то свой сворачиваешь, как бы сама того, страмовщица, не захотела!*), 12 раз – в речи бурмистра помещика Чеглова-Соковина Калистрата Григорьева, по 2 раза – в речи жены Анания Лизаветы, мужика Фёдора Петрова, Шпрингеля, губернского чиновника особых поручений, по разу в речи дяди Никона, задельного мужичонка, Матрёны, матери

Лизаветы, бабы Спиридоньевны, соседки Матрёны. Союз *кабы (как бы)* встречается 2 раза в речи Анания Яковлева, по разу в речи Лизаветы и её матери Матрёны (*Как бы не у матери родной, а у свекрови злой жила, так не посмела бы этого сделать*), Давыда Иванова; *когда* – 12 раз в речи бабы Спиридоньевны (*Тожже вот в трактир когда придет чайку испить, так который мужичок победней да попростей, с тем, пожалуй, и разговаривать не станет; а ведь гордость-то, баунька, тожже враг человеческого...*), Анания Яковлева, Чеглова-Соковина, молодого помещика, Золотилова, зятя Чеглова-Соковина, помещика пожилых лет; союз *раз* – два раза в речи Анания Яковлева и сотского: *как* – 4 раза в речи Анания Яковлева, Лизаветы, Шпрингеля. *Если* употребляется 2 раза в речи Чеглова-Соковина и 4 раза – в речи Золотилова (*Если бы дело шло о какой-нибудь пропавшей лошади или корове, вы бы могли быть свободны в ваших действиях – законных и незаконных...*), один раз в речи Шпрингеля.

Как видим, употребление в пьесе союзов, разговорного или книжного характера, главным образом зависит от социального статуса персонажа. Союз *если* характеризует речь только помещиков и чиновника Шпрингеля.

«Гроза» А.Н. Островского. Стилистический расклад союзов на шкале *книжное/разговорное* в «Грозе» примерно тот же, что и в «Горькой судьбине», хотя действующие лица в последней – крестьяне с их типично диалектной речью (с небольшим вкраплением в пьесу речи помещиков), а в «Грозе» – жители небольшого провинциального города средней полосы России. Однако всё это в основном купцы и мещане. О том, кто такие мещане, выразительно, как уже говорилось, с примерами из произведений А.Н. Островского сказано в «Словаре к пьесам А.Н. Островского» Н.С. Ашукина, С.И. Ожегова, В.А. Филиппова: «Мещанин, мещанка – человек, принадлежащий к городскому ремесленно-торговому слою населения, мелкой буржуазии, с 1775 г. составлявшей особое сословие, принадлежность к мещанству была наследственной или сообщалась браком, если жена не имела прав высшего сословия... Мещанство приобреталось и припискою к мещанскому обществу какого-нибудь города; к мещанству приписывались с соблюдением установленных формальностей, крестьяне, дети канцелярских служителей, незаконнорожденные... Быт мещан, особенно зажиточных, почти не отличался от быта среднего купечества, но купцы относились к мещанам с пренебрежением... Для дворянства, считавшего себя первым сословием в государстве, мещанин был синонимом мелкого торговца, мелочного человека... В переносном смысле мещанский – проникнутый духом мещанства с его ограниченными интересами, предрассудками и узким идейным кругозо-

ром...» [Словарь: 115]. Там же, с большой полнотой и ясностью, в словарных статьях «Гильдии» [Словарь: 40], «Купеческий клуб или Купеческое собрание» [Словарь: 97], «Купечество» [Словарь: 97–99] сказано, что собой представляло купечество времён А.Н. Островского, обрисованы его быт и нравы. Здесь важно отметить то положение Словаря, по которому можно судить о причинах близости разговорной речи крестьян и непривилегированных слоёв городского населения: «В конце XVIII и в первой четверти XIX в. на первом месте по пополнению купечества стоит крепостное крестьянство... Другим элементом, пополнившим кадры купечества крупных центров, было провинциальное купечество и мещанство, но оно, в свою очередь, также пополнялось в сильной степени из того же крестьянства, тянувшегося к своему торговому центру» [Словарь: 97].

Преобладает в «Грозе» А.Н. Островского, как и в «Горькой судьбине» А.Ф. Писемского, союз **коли** – 34 случая употребления (10 раз в речи Кабанихи, 7 – Катерины, 4 – Варвары, 3 – Бориса и Кудряша, 2 – Кулигина, Тихона Кабанова, по одному разу в речи Дикого, женщины, Феклуши). **Кабы** встречается 19 раз (в речи Катерины 9 раз, Кабанихи 4 раза, Бориса 5 раз, один раз в речи Кулигина). В данном произведении большую продуктивность (17 раз) имеет синкретический союз **когда**: в речи Бориса (*Вот когда у меня сердце глупое раскипитя вдруг, ничем не унять*), Кабанихи (*Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет*), Катерины (*Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь*), Варвары (*Когда нужно будет, Ваня крикнет*), Кулигина (*Да какая же суета, когда опыты были?*), Дикого (*Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое!*). Есть и редкий у Островского просторечный, но моносемантический условный союз **раз**, отмечен он в речи Дикого. По одному разу в речи Катерины, Дикого, Бориса, Кудряша, Варвары встретился синкретичный союз **как (как бы)**, совмещающий условное и временное значение. **Если** имеет 7 употреблений (в речи Катерины 3 раза, Кабанихи 2 раза, по одному разу в речи Бориса и Варвары).

Не лишне подчеркнуть, что в «Грозе» имеется 17 случаев употребления многокомпонентных сложноподчинённых предложений, что говорит, с одной стороны, о наличии значительных элементов «книжности» в пьесе, с другой – о разговорно-речевой их органичности и «незаметности, встроенности» при употреблении в речи мещан и купцов.

Пьеса «**Жищники**» (прежнее название «Подкопы»), под которым по цензурным условиям пьеса впервые была опубликована в журнале «Гражданин» в 1873 г.). В ней остросатирически обрисованы высшие чиновничьи столичные круги, из-за чего цензу-

ра долго не пропускала пьесу к постановке. Впервые комедия была поставлена в Петербурге в 1905 году и имела успех. Это, как считают критики, «резкий драматический памфлет на продажность, карьеризм, произвол и бездарность царской администрации, на «египетскую проказу» взяточничества, спекуляций акциями, алчности, моральной распущенности, маразма аристократических верхов» [Писемский 9: 616]. Здесь в отношении употребления условных союзов мы наблюдаем иную картину: превалирует книжный союз **если**, который встречается в речи всех персонажей, и редкостью являются разговорно-просторечные союзы. Союз **если** употребляется 66 раз, более всего в речи Ольги Петровны (16 раз), Андишевского и графа (по 12 раз), Владимира Иваныча (7 раз), затем Вильгельмины Фёдоровны и Марьи Сергеевны (по 4 раза).

Таким образом, мы видим, что распределение условных союзов в проанализированном нами материале на стилистической шкале *книжность/разговорность* ситуативно зависима и определяется в основном социальным статусом участников общения. Также надо констатировать, что в последующем развитии русского литературного языка сохраняется та же тенденция развития его основополагающих черт, как и в том абрисе структурно-семантических и функционально-стилистических черт гипотактических средств русского языка, который нами был представлен выше. Моносемантический нейтральный союз **если**, который возник сравнительно недавно, в XVII в., в эпоху становления русского национального языка, и который исследователи школы Ю.Д. Апресяна называют «семантическим примитивом», в структурном и функционально-стилистическом плане совершенно непросто: он всё увереннее занимает передовые позиции в череде условных союзов различной аффектации и структурно-семантической организации.

Список литературы

Астахина Л.Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.

Ганцовская Н.С., Цинь Лидун. Старое и новое в развитии лексики литературного языка середины XIX в. (стилистика служебных слов на материале пьес о Бальзамине А.Н. Островского в сравнении с пьесами А.А. Потехина // Щельковские чтения 2020–2021. Актуальные вопросы жизни и творчества А.Н. Островского: сб. науч. ст. и материалов / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома: Аванти-тул, 2021. С. 121–135.

Кайдаш-Лакшина С.Н. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского: статьи. Москва: Лазурь, 2013. 240 с.

Лакишин В.Я. А.Н. Островский. 3-е изд. Москва: Гелиос, 2004. 768 с.

Некрасов В.Н. А.А. Потехин (1829–1908) // Русская драма эпохи А.Н. Островского / сост., общ. ред., вступ. ст. А.И. Журавлёвой. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 445–447.

Писемский А.Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Москва: Правда, 644 с.

Словарь – Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Репринт. изд. Москва: Веста, 1993. 248 с.

References

Astakhina L.Yu. *Istochniki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka* [Sources on the historical lexicology of the Russian language]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2021, 492 p. (In Russ.)

Gancovskaya N.S., Cin' Lidun. *Staroe i novoe v razvitií leksiki literaturnogo yazyka serediny XIX v. (stilistika sluzhebnykh slov na materiale p'es o Bal'zaminove A.N. Ostrovskogo v sravnenii s p'esami A.A. Potekhina* [Old and new in the development of the vocabulary of the literary language of the mid-19th century (stylistics of function words based on the material of the plays about Balzaminov by A.N. Ostrovsky in comparison with the plays by A.A. Potekhin]. *Shchelykovskie chteniya 2020–2021. Aktual'nye voprosy zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo: sb. nauch. statej i materialov* [Shche-

lykovsky Readings 2020–2021. Actual issues of the life and work of A.N. Ostrovsky], ed. by I.A. Edoshina. Kostroma, Avantitul Publ., 2021, pp. 121–135. (In Russ.)

Kajdash-Lakshina S.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo: stat'i* [Chronicle of the life and work of A.N. Ostrovsky: articles]. Moscow, Lazur' Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Lakshin V.Ya. *A.N. Ostrovskij* [A.N. Ostrovsky], 3-rd ed. Moscow, Gelios Publ., 2004, 768 p. (In Russ.)

Nekrasov V.N. *A.A. Potekhin (1829–1908)* [A.A. Potekhin (1829–1908)]. *Russkaya drama epohi A.N. Ostrovskogo* [Russian drama of A.N. Ostrovsky era], ed. by A.I. Zhuravlyova. Moscow, Moscow university Publ., 1984, pp. 445–447. (In Russ.)

Pisemskij A.F. *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 9* [Collected works: in 9 vols. Vol. 9]. Moscow, Pravda Publ., 644 p. (In Russ.)

Ashukin N.S., Ozhegov S.I., Filippov V.A. *Slovar' k p'esam A.N. Ostrovskogo* [Glossary for the plays by A.N. Ostrovsky], reprint. ed. Moscow, Vesta Publ., 1993, 248 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 18.07.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 18.07.2023.